

Во вторую неделю Святой Четыредесятницы

Святитель Григорий Палама (Омилия 10)

Во вторую неделю Святой Четыредесятницы, заключающая изложение Евангельской истории об исцелении Господом расслабленного в Капернауме; в ней так же говорится и относительно несвоевременно разговаривающих друг с другом в церкви во время священных Богослужений.

Предначиная слово, я произнесу вашей любви самые Владычни слова, лучше же еще сказать – самое начало Евангельской проповеди: *«Покайтесь, приближи бо ся царствие небесное» (Мф.3: 2)* ; и не только

приблизилось, но и уже оно в нас есть.

«Се бо царствие Божие внутрь вас есть», –

опять говорит Господь

(Лк.17:21)

. И не только оно внутри нас, но ради этого оно приходит и более наглядно, уничтожая всякое начало, власть и силу (вражью); но это относится только к тем, которые жительствоуют по Богу и богоугодно проводят жизнь. Итак, поскольку царствие Божие и приблизилось, и в нас есть, ради чего и приходит, то делами покаяния, сделаем себя достойными его; сделаем усилие над собою, отвергая злые произволения и навыки; ибо царствие небесное берется силою, и – прилагающее усилие восхищают его.

Поревнуем терпению, смирению и самой вере богоносных Отцов наших; ибо, как говорит (Апостол): *«Ихже взирающе на скончание жительства, подражайте вере их» (Евр.13:7)*. Умертвим уды наши, сущие на земле: блуд, нечистоту, страсти, злые вожделения и алчность, – особенно же в эти священные дни Поста. Ибо с этой целью Благодать Духа, предначав, известила нас о будущем Страшном Суде Божиим, а затем напомнила нам об изгнании Адама, и, наконец, после сего представила нашим очам – в чем заключается незыблемейшая вера; дабы движимые страхом пред грядущим Судом и плача об изгнании из Рая, и незыблемо держась веры, мы бы стеснили себя и не впадали в невоздержание, и вследствие ненасытного чрева, не отверзли врата всем страстям и не сдались им, и всецело оказавшись на просторном и широком пути, не погибли бы вместе с так называемым услаждением. Но, возлюбив тесный и узкий путь, ведущий в вечную жизнь, которого началом и первым поприщем является пост, пройдем с усердием сию четыредесятницу постных дней.

Ибо если, как говорит Соломон, время – всякой вещи, и всему – свой час, то ищущему благоприятного времени для совершения добродетели – вот это время: эта четырёхдесятница дней. Если и вся жизнь человека является благоприятным временем для приобретения спасения, то насколько больше таким благоприятным временем является это время Поста; ибо и Начальник и Вождь нашего спасения, Христос, начал с поста, и находясь на его поприще низложил и посрамил диавола, возбудителя страстей, всячески нападавшего на Него. Как невоздержание чрева, будучи уничтожителем добродетелей, является родительницей страстности, так, напротив, – воздержание, уничтожая скверны, прибывшие нам вследствие невоздержания, бывает матерью бесстрастия. Если же и тогда, когда и нет в нас страстей, невоздержание вводит и ввело их, то как же ему не умножить, и не укрепить их, когда они уже – на лицо, между тем как пост уменьшает их и уничтожает? Пост и (общее) воздержание шествуют рука об руку, хотя по времени, у разумно наблюдающих их, то одному, то другому отдается предпочтение.

Строго говоря, мы не будем разделять их друг от друга; но в течение честных пяти будничных дней седмицы будем более держаться поста (во всей его строгости), а по субботам и воскресениям будем более внимать воздержанию (т.е. общей умеренности в пище), так чтобы нам благоразумно услышать евангельские слова, который сегодня возвещают нам чудесное исцеление, совершенное Господом не в Иерусалиме, но в Капернауме. Ибо – «Во время оно», – говорит божественный Марк, – «вниде паки Иисус в Капернаум по днех» (Мк.2:1). Этот же город Капернаум Матфей называет городом Господа (Иисуса); потому что и он, повествуя о том же расслабленном, говорит: «Прииде Иисус во Свой град» (Мф.9:1). Потому что после того, как (Христос) крестился во Иордане от Иоанна и Дух сошел на Него с небес, и после того, как был выведен в пустыню, чтобы подвергнуться искушениям диавола, и после того, как победил искусителя, Он снова вернувшись к пределам Иордана, обходил соседние области и многократно принимал свидетельства от Крестителя, пока Ирод не заключил Иоанна в темницу; вот после сего, Христос, как говорит Матфей: «отъиде в Галилею; и оставль Назарет, пришед вселился в Капернаум в поморие» (Мф.4:12-13).

И из этого города Он выходил в пустыню для молитвы или в соседние города ради проповеди и снова возвращался в него. Посему, вот, Евангелист Матфей и называет этот город: «Его городом». Марк же говорит: «Вниде паки в Капернаум по днех: и слышано бысть, яко в дому есть; и абие собращася мнози; якоже ктому не вмещатися ни при дверех» (Мк.2:1-2). Поскольку Христос большую часть времени проводил в этом

городе, то, по причине многих и великих чудес и учений, и был здесь более знаем (чем в каком-либо ином месте) и особенно известен тамошнему населению. Посему, как услышали, что Он снова здесь, всем народом собрались к Нему. А, как говорит Лука, – пришедшие были из всех городов, среди них были и книжники и фарисеи и законники, и Он, как говорит Евангелист, «глаголаше им слово» (Мк.2:2). Ибо Сам Он превосходнейшей степени был Тот, Кого Он представил в Своей притче, говоря: «Изыде сеяй сеяти семене своего» (Лк.8:5), т.е. – слово учения, – и Который говорит: «Приидох призвати грешники на покаяние» (Мф.9:13, Мк.2:17); призвание же совершается чрез слово учения. Это и Павел являя, говорит: «Вера от слуха, слух же глаголом Божиим» (Евр.10:17).

Господь, воистину, всем вообще и не обращаясь ни к кому в частности, говорил слово покаяния, Евангелие спасения, словеса вечной жизни, – и, действительно, все слушали, но не все послушались. Ибо все мы – любители послушать и посмотреть, но не все – любители добродетели. В нас вложено чувство желания знать среди прочего и то, что – необходимо для спасения; посему и многие не только с удовольствием слушают священное учение, но и внимательно изучают положения (тис Логис), чтобы ни у кого не было неясности, относительно понимания в области мышления. Но чтобы привести эти положения в дело или на основании их сделать совершенную веру плодоносной, для этого необходимы – благоразумие и благое произволение, которые не легко найти, и особенно у тех, которые сами себя оправдывают и в своих очах представляются мудрыми; вот такого сорта людьми были книжники и фарисеи иудейские. Посему постоянно они слушали слово и видя совершаемые знамения, более хулили, нежели восхваляли Того, Который благодетельствовал и делами и словами. Так, когда Господь учил, и все, или большинство сосредоточенно внимали словам благодати, исходящим из Его уст, – «приидоша нецыи, – говорит Евангелист, – «к Нему, носящие расслаблена (жилами), носима четырьми. И не могущим приблизиться к Нему народа ради, открывша покров, идеже бе, и прокопавше свесиша одр, на немже расслабленный лежаше» (Мк.2:3-4). Быть может, тебе представляется, что все это было проявлением веры со стороны принесших расслабленного, и, удовлетворившись их верою, Господь затем даровал здравие расслабленному. Но мне мыслится, что дело обстоит иначе. – Действительно, исцеляя отрока начальника синагоги, Господь не требовал от этого отрока веры, как ни – от дочери хананеяныни или дочери Иаира; но, ведь, первая была мертвой, в то время как вторая – дочь хананеяныни – безумной, а отрок начальника синагоги и не находился на этом месте. Поэтому от них Господь и не мог ожидать наличие веры, и для их спасения довлела вера их близких. Но сей расслабленный тут присутствовал и был господином своего разума, хотя телом и был расслабленный (паралитик). Посему мне представляется, что именно больше на основании его благой надежды и его веры, пустила корни вера и у принесших его и ободрила их придти, и убеждаемых сим расслабленным, принести и вынести на кровлю и оттуда опустить его пред Господом. Потому что не против его воли они это сделали, и расслабленность параличного не была расслабленностью его разума, но он, справедливее сказать, – очевидным образом был выше того, что омрачает и препятствует вере. В то время как любовь к человеческой славе отвела фарисеев от веры в Господа; почему Он им и

сказал: «Како вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще, и славы яже от Единого Бога, не ищите?» (Ин.5:44).

А для других препятствием к тому, чтобы они пришли (к вере в Господа) служили имения и браки и заботы о житейских делах; все это отстранила и как бы отрезала от мыслей расслабленного присущая ему расслабленность. И посему иногда для грешников лучше болеть, чем быть здоровыми, когда болезнь содействует им к спасению. Ибо болезнь притупляет и врожденные побуждения у человека ко злу, и, тем, что человек переносит страдания, связанные с болезнью, она как бы уплачивая долг за соделанные грехи, делает человека способным к принятию сначала здравия души, а, затем, вот, и телесного здоровья. В особенности это бывает тогда, когда больной, понимая, что здоровье зависит от Бога, доблестно переносит беду и с верою припадает к Богу и делами, насколько это позволяют его силы, умоляет о милости. Это и оный расслабленный делами, как мог, показал, и Господь и делом и подлинными словами явил это, хотя фарисеи, не будучи в состоянии понять, хулили и роптали. Ибо видя, говорится, «Иисус веру их, – как спускаемого прикованного болезнью к одру расслабленного, так и спускающих его с кровли, – говорит расслабленному: чадо, отпускаются тебе греси твои» (Мк.2:5). О, блаженные слова! – «Чадо», слышит он обращение к нему, и (этим) усыновляется Небесному Отцу вступает в тесную связь с Безгрешным Богом, тотчас же и сам став безгрешным, вследствие отпущения грехов; и чтобы последовало и обновление тела, он сначала воспринимает душу, возвышающуюся над греховностью, от Ведущего, что вследствие того, что сначала душа пала в сети греха, последовали, по праведному Его суду, болезни для тела и смерть.

Но книжники, услышав эти слова, «помышляли, – говорится, – в сердцах своих: что Сей тако глаголет хулы? Кто может оставляти грехи, токмо един Бог?» (Мк.2:6-7). Господь, как Творец сердец и Разумеющий скрытые помыслы сердец книжников, говорит им: «Что сия помышляете в сердцах ваших? Что есть удобее? рещи расслабленному: отпускаются тебе греси? или рещи: востани, и возми одр твой и ходи?» (Мк.2:8-9). Книжникам представлялось, что Господь, будучи не в силах исцелить расслабленного, прибег к тому, что не обнаруживается явно, именно – к отпущению грехов, которое единым словом сказать, и то в авторитетном и повелительном тоне, не только – хула, но и совершенно легко сделать всякому желающему. Посему Господь и говорит им: если бы Я желал произнести лишь странные слова, не имеющие на деле результата, то с равным успехом мог бы не связывать одно с другим, именно – исцеление расслабленного с отпущением ему грехов; но Я это намеренно делаю, чтобы вам было известно, что мое слово не бездейственно, и не потому что Я не в силах даровать исцеление от недуга, Я прибег к дарованию отпущения грехов, но Я обладаю божественной властью на земле, как Сын Единосущный Небесному Отцу, хотя по плоти Я стал единосущным и вам, неблагодарным. Тогда говорить расслабленному. «Тебе глаголю, востани, возми одр твой, и иди в дом твой. И воста абие, и взял одр, изыде пред всеми» (Мк.2:11-12).

Эти слова и чудо явились опровергающим ответом на мысли книжников, но, с другой стороны, они как-то гармонируют с ними: ибо это – правда, что никто из людей не может своей властью отпускать грехи. Но в том-то и заблуждение и безумие фарисеев, что они считали Христа за простого человека, и не видели в Нем Всемогущего Бога. Ибо произошло то, что никто никогда не видел и не слышал ранее, именно: ныне явился Бог и Человек, имеющий сугубую природу и обладающий сугубым действием («энергией»): говорящий действительно, так как это свойственно нам, людям, творящий же елика хочет – словом и единым повелением, как – Бог, и Своими делами уверяющий, что Он – Тот, Кто в начале все создал, как говорится в псалме: «Рече, и быша, Той повеле, и создашася» (Пс.32:9). Посему и в этом случае за Его словом немедленно последовало и дело. – «И взем одр, изыде пред всеми: яко дивится всем» (Мк.2:12). Ибо и среди людей прощение проступков, если кто обидел кого, часто производится словом, но чтобы болезнь, и то таковая болезнь, могла обратиться в бегство силою единого повеления и слова, это возможно – только Богу. Посему Евангелист говорит, повествуя, что все видящие (совершенное Господом исцеление расслабленного) удивлялись и прославляли Бога, т.е. Его, конечно, Творца сего неизреченного чуда, лучше же сказать, – Творящего славные и страшные дела, которым нет числа, – говоря: «Яко николиже тако видехом» (Мк.2:12). Но те люди, действительно, таким образом словами воздавая славу и возвещая чудо, большее всех прежде бывших чудес, говорили: «Николиже тако видехом». Мы же не можем теперь так говорить: потому что мы видим многие и гораздо большие, чем это, дела, совершенные не только Христом, но и Его Учениками и бывшими после них преемниками, и то совершаемые единым призыванием имени Христова. Посему, братие, теперь уже мы Его будем прославлять делами, возвышенным умом воспринимая это чудо, как пример для добродетели: ибо всякий предающийся услаждениям, расслаблен душою, лежит на одре сладострастия с соответствующей сему расслабленной разнузданности тела. Но когда, убежденный евангельскими увещаниями, покаявшись, он восторжествует над своими грехами и над порожденной ими расслабленностью души, тогда он бывает приносим ко Господу сими четырьмя: презрением к себе, исповедью согрешений, обещанием на будущее воздерживаться от зла и молитвой к Богу. Но они не могут приступить к Богу, если только не раскроют крышу, разметав черепицы, глину и иной материал. Кровлей же в нас является мыслительная часть души, как все в нас покрывающая; заключает же она в себе как бы многочисленный, нагроможденный материал, имеющий отношение к страстям и к земному. И вот, когда это состояние станет расцеплено и уничтожено сими вышереченными четырьмя, тогда действительно мы сможем быть спущенными, т.е. истинно смириться и припасть и приступить ко Господу, и просить и получить от Него исцеление.

Но когда же совершаются эти дела покаяния? – Когда Иисус пришел «в Свой град», т.е. во плоти пришел в мир, который является Его собственностью, как Его создание, как и Евангелист говорит о Нем: «Во Своя прииде, и Свои Его не прияша. Елицы же прияша Его, даде им область чадом Божиим быти, верующим во имя Его» (Ин.1:11-12). Посему и

расслабленный духом, с верою таким образом припадающий, немедленно же слышит от Него: «Чадю», и воспринимает и отпущение грехов и исцеление, и не только это, но и силу приемлет к тому же, чтобы взять свой одр, на котором он лежал прикованный к нему, и нести. Под «одром» же разумей – тело, в котором покоится ум, следующий плотским стремлениям, и который, подавленный телом, придерживается дел греховности. Но после выздоровления, наш ум является теперь ведущим и носящим тело, как подвластное ему, и им являющий плоды и дела покаяния, так что видящие прославляют Бога, видя сегодня Евангелистом того, кто вчера был мытарем, Апостолом – гонителя, Богословом – разбойника, сыном Небесного Отца – того, кто незадолго перед тем обитал со свиньями, – если же хочешь, – и (не просто сыном Небесного Отца, но и) восхождение в сердце полагающего и идущего от славы в славу и простирающегося изо дня в день к большему. Посему Господь и говорит Своим: «Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, Иже на Небесех» (Мф.5:16). Говорится же это не в том смысле, будто бы Он заповедует нам показывать себя; но Он заповедует богоугодно жить; но как свет, не имея отношения с внешним миром, однако притягивает к себе взоры зрящих, так богоугодное житие привлекает к себе вместе с очами и души людские. И еще: как при свете солнца, мы восхваляем не воздух, участвующий в сиянии, но – солнце, обладающее светом и подающее озарение его; и если даже мы и восхваляем эфир, как светящийся, то насколько больше восхваляем солнце? Так и в отношении человека, являющего добродетельными делами, сияние Солнца Правды: ибо такой человек, как только становится замеченным, возвышает людей к славословию Небесного Отца, Солнца Правды – Христа. И не говоря уже о больших добродетелях, скажу, что когда вместе с вами предстоит Богу в священной Церкви, обернувшись, я посмотрю на тех, которые с разумением и с сокрушением воссылают Богу песнопения и моления, или же вижу кого в молчании и в погруженности стоящего и внимающего, то и этот единый вид меня окрыляет и я исполняюсь довольством и славлю Отца, Иже на Небесех – Христа, без Которого никто не может сделать ничего благородного и чрез Которого всякое успешное действие производится в людях.

Но что нам сказать о тех, которые не в молчании предстоять, не участвуют в воспевании славословий, но разговаривают друг с другом, и нашу словесную службу Богу смешивают с какими-то праздными разговорами, и сами не слушают священные и боговдохновенные слова, и желающим слушать – мешают? Доколе, о, вы – такие люди! – будете хромать на оба колена, как сказал бы Фесвитянин Илия, – желающие одновременно участвовать и в молитвах и в неблагоприятных, земных разговорах, и не исправляющие друг друга, как это подобало бы, но взаимно всячески губящие друг друга, лучше же сказать – сами друг другом уничтожаемые? Доколе не удержитесь вы от суетных слов, но Дом Молитвы будете делать домом торговли или вести страстные разговоры, Дом, в котором произносятся и воспринимаются слухом слова жизни вечной? Эту вечную жизнь мы, с нашей стороны, просим у Бога с непостыдной надеждой; а, со стороны Бога, она даруется тем, которые всей душой и всем помышлением молят о ней, – но не тем, которые даже, так сказать, и не полный язык подвигают к молитве. Ныне у нас, братие, жертва приносится не чрез огонь, как при

Моисее, но словом совершается. Посему, в то время как огнем возносимая Богу жертва воспринималась, приносившие вне чуждый огонь, вместе с Кореем восставшие против Моисея, были сожжены священным огнем, возгоревшимся против них.

Убоимся же и мы, чтобы, привнося внешние чуждые слова на сем священном Божественном Жертвеннике, я говорю о Церкви, не стать нам вконец осужденными сущими в ней божественными словами, отсюда делая сами себя достойными изречения проклятия и осуждения. О, убоимся, молю, и доколе пребываем здесь, со страхом предстоя Богу, будем приносить моления; выходя же отсюда, покажем с этих пор изменение в образе жизни на лучшее; не соблазняясь выгодами и особенно неправедными; бежа от клятв, и особенно при лжи; удерживаясь от срамных слов, а тем более куда больше, от соответствующих им дел: злословия, коварства, хвастовства; каждый член, каждое чувство подчиняя водительству благочестивого ума; нося тело с благоразумием и со страхом Божиим, или, лучше сказать, – не нося, а – вознося, но не – подчиняясь телу, снижаясь до его низменных и отвратительных инстинктов и допуская себе быть одержимым ими, – будучи научены Павлом и зная, что если по плоти живем, долженствует нам умереть; если же духом умертвим дела тела, будем жить во веки. И ныне к славе Божией подвигнем всех зрящих нас, знающих, что Сей Дом носит в себе Христа, укрепляющего расслабленных душою и заповедующего телесные чувства и ощущения приносить к Нему и возносить, но не быть безрассудно носимым и понижаемым ими, – и таким образом взойти в истинный наш Дом, я имею ввиду – небесную и сверхнебесную Область, где ныне – Христос, Наследник и Наследия-податель наш, Которому подобает слава, держава, честь и поклонение, со Безначальным Его Отцем и Пресвятым и Благим и Животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

PG.151:112–124. Homilia X. Secunda sanctae quadragessimae Dominica habita, materiam habens Paralyticum a Domino in Capharnaum sanatum, et contra eos qui indecen ter secum invicem confabulantur in sacris ad ecclesiam convenibus.

<https://azbyka.ru>